

Злодеяния и военные преступления киевского режима в г. Дзержинск (Торецк)

Москва, 2025 г.

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов

Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов (председатель – член Общественной палаты РФ М.С. Григорьев) создан первого марта 2022 года в ходе международной конференции по инициативе российских и зарубежных правозащитников, юристов и журналистов. В настоящее время в него вошли представители гражданского общества 33 стран мира (США, Канада, Германия, Франция, Испания, Польша, Индия, Аргентина, Италия, Австралия, Израиль, Сербия и др.). Основная задача Международного общественного трибунала – сбор свидетельств о преступлениях киевского неонацистского режима, передача их в правоохранительные органы и представление информации о них на российских и международных площадках.

В апреле 2025 года Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов зафиксированы свидетельства жителей г. Дзержинска (Торца). Они подробно рассказывают об украинских военных преступлениях, совершенных в период, когда город находился под контролем Украины.

Так же, как и в других населенных пунктах, находящихся под украинским контролем, Вооруженные силы Украины проводили политику геноцида русскоязычного населения. Свидетели рассказывают о расстрелах мирного населения из стрелкового оружия и удары украинскими дронами по жителям города.

На систематической основе украинские дроны разрушали мирные дома вместе с находившимися там жителями. Пострадавшие прямо рассказывают, как украинские дроны отслеживали их до их домов и затем подвергали ударам. Нередки случаи, когда одни дроны ВСУ разрушали крыши сбросами разнообразных боеприпасов, а затем другие дроны поджигали эти дома специальными зарядами. В некоторых случаях по этим домам с мирными людьми еще били украинские дроны-камикадзе.

Жители города свидетельствуют, что киевский режим особенно активно убивал мирных русскоязычных жителей во время попыток эвакуации в сторону России.

В Дзержинске также была распространена повсеместная украинская практика убийств мирных граждан для кровавых съемок с целью обвинения России.

IV Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 года определяет необходимость предоставления защиты по отношению к гражданским лицам. С этой целью «всегда и всюду будут запрещаться посягательства на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийства».

В статье 147 IV Женевской конвенции также указано, что преднамеренное убийство, а также «произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью», относится к серьезным нарушениям Конвенции.

Представленные в данном докладе свидетельские показания в полной мере изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах русскоязычных жителей города, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью беспилотных летальных аппаратов – как с использованием дронов-«камикадзе», так и сбросов разнообразных взрывчатых устройств с дронов, а также в намеренном уничтожении домов мирных граждан и гражданской инфраструктуры города, что является военными преступлениями, не знающими срока давности.

Приведенные ниже данные являются дословными и неадаптированными свидетельствами жителей г. Дзержинска.



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Чурилова Наталья Владимировна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ расстреливали мирных. С моей улицы лежат в подвале трое убитых, прямо в лоб застрелили. Это было в городе Дзержинске на улице Комарова. С края города, говорят, много поубивали. Женщину убили. Один у нас там был хлопчик, пошел туда и рассказывает: «Вот Вера лежит убитая, бабушка убитая, Лариса убитая». Где-то с 11-14 сентября это началось на наших улицах, там убили, там застрелили, там застрелили. То есть много людей получается. Насколько мы приблизительно своих не видим и не знаем об них ничего, где-то человек четырнадцать-пятнадцать убили. А остальных сколько, это ж не только на нашем месте.

На Северной то же самое. Там тоже такие слухи идут, что людей убивали. Нас ВСУ обзывали «ждуны». Те, кто не выехал, кто остались. Ну, мы не хотели туда ехать. А так же не скажешь прям в глаза. Не доживешь тогда просто. Так что нас «ждуны» называли».



Доронин Илья Владимирович (20 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ расстреливали семьями. Подруга моей знакомой погибла там. Ей не было 40 лет. Где-то в сентябре 2023 года. Так достаточно много расстреляли. Говорили, что ВСУ в окна закидывали гранаты в подвале и в дымоходы подвалов. А потом в сами подвалы заходили и расстреливали. Больше это делали из бригады «Лють». Получается, бывшие полицейские, жестокие

Когда мы эвакуировались, по нам ВСУ делали сбросы, падали мины. После этой украинской арт-подготовки по нашему району они отправили на поиски нас дрона-камикадзе, а потом «Бабу-ягу», большую такую. Я шесть осколочных ранений получил. Такой был склад у нас огромный для фур. Там еще были такие подбитые остатки укрытий. Мы посидели там с часик. Укололи мне обезболивающее. Мы вышли в окно, на полпути нас уже обнаружил украинский дрон и сделал сброс. Погиб мой отец и бабушка. Выходило нас двенадцать человек. Все мирные. Получается, украинский заряд упал под ноги бабушки и чуть сзади отца. Бабушка упала сразу же. Отцу перебили кость и бедренную артерию. Мы пытались турникетом что-то сделать, но слишком сильно было. Я получил множественные осколочные ранения ноги. Оба бедра, бок, плечо и поясница. ВСУ не хотели нас выпустить, мы же, получается, выходили на сторону наших. Мин 5 упало, тихо стало, и мы побежали. Они, получается, это всё поняли и решили отомстить».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Горишный Владислав Леонидович,
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ людей расстреливали. В магазине человек работал, он возил из Константиновки продукты в магазин свой. Мой отец, пенсионер, поехал на велосипеде в магазин. И застал картину, как лежит этот продавец расстрелянный и магазин догорает. Украинская армия его расстреляла и взорвала магазин». На Забалке в районе, там тоже полсемьи расстреляли. Они жили в подвалах, украинским военным хотелось, наверное, тоже там поселиться, и они вот зверствовали. Вот у нас парень живет, он свидетель, ему руку прострелило тоже.

Мы эвакуировались 4 февраля этого года, в 2025 году. Я, отец и мать. Начали ВСУ скиды делать дронами по моему дому. А в соседнем доме жили мои родители. Я, когда прекратились скиды, взял два рюкзака и пошел к ним в дом. И мы быстро начали уходить в сторону Горловки через город. Украинские дроны добивали наш дом. А потом что-то еще, большую какую-то, бомба прилетела и уже сдетонировала по-серьезному, уничтожили дом. Мы вовремя вышли. ВСУ видели, что там живут только я, отец и мать. На наш дом было порядка десяти тяжелых сбросов. Потом зажигательное что-то сбросили.

Украинская власть – они не про людей. Что украинская власть, что украинские военные, они просто хотели уничтожить Донбасс. Они пришли и относятся не по-человечески к людям, к их имуществу. Я не знаю, как их назвать».



Трубников Сергей Игоревич,
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«Помню Аксенова Александра. Он года на два - на три младше меня. Не знаю, живой, не живой сейчас. Он жил с нами на Владимирской. Ему, наверное, в сентябре, начало сентября, ВСУ прострелили ему руку, не знаю, за что, ладонь была прострелена. В конце, наверное, сентября, начало октября, он просил на подвале место себе. Ключ ему дали, он пошел на подвал. И на обратном пути ему огнестрел пробил дырку. Однозначно стреляли украинские военные. Там в тот момент сидели украинские военные. Стреляли в мирного, я думаю, хотели убить. Он был в

гражданской одежде, ничего военного, ни камуфляжа, ничего не было. Он с пустыми руками туда побежал открыть, у него не получилось. На обратном пути он шел, и был произведен сзади выстрел, он слышал выстрел. Ну и вот пуля пробила ему мочку, и как-то в шею вошла и вышла».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Ганусенко Андрей Геннадиевич,
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«Мы жили в страхе. И старались избегать с ВСУ любых встреч. Потому что с ними встреча, это по-любому вопрос: «Что вы ждете «Русский мир»? Вы – ждуны?» То есть они запрограммированы только на такие вопросы. И с ними я старался вообще не пересекаться. В середине лета были такие случаи, что военнослужащие Украины убивали гражданских. Сарафанное радио по городу быстро разносится.

А еще в примерно середине октября 2024 года в один прекрасный день мужчине, который заказывал воду, привезли воду. Пока они стояли возле подъезда, у этого мужчины собака выбежала и начала гавкать.

В соседнем подъезде сидели украинцы, военные. Соседка говорит, это на его глазах произошло. Украинец вышел, стрельнул просто двух человек и все, и пошел. Просто в голову одного и второго убил. Все, спокойно ушел. Одного убитого Александр Мигаль звали, ему за 50 было, другого Алексей, ему где-то за 40 точно. Выходное отверстие в голове. Их похоронили, получается, за домом.

Я вообще боялся выходить с подъезда очень долгое время. Ну и остальные соседи тоже, конечно. Мы не верили, пока это не произошло, грубо говоря, на наших глазах, соседка начала кричать, жена его, мы выбежали и увидели, что два трупа лежали. Не знаю, может, испугался украинец чего-то, собаку испугался. Ну ладно, ты собаку испугался, застрели собаку. Ты же видишь, что гражданский человек. То есть уму непостижимо вообще это. Еще люди не хотели уезжать, или их выселяли с дома, или с квартиры они не хотели уходить. И их просто стреляли.

Меня ВСУ ранили в руку. Мы сидели в комнате в подвале с женой и хотели выйти оттуда. Я боялся, что украинские военные начнут вот этот стрелянину, и мы попадем под раздачу. Я решил с семьей перебежать в дальнюю комнату. Перед этим хотел попросить украинских военных, они как раз за дверь были, разрешение перебежать туда. Начал открывать дверь. Она была закрыта, оказалось, с той стороны. Пытался открыть, как раз правой рукой я, получается, толкаю, и в этот момент три выстрела.

Потом мне уже жена сказала, что три раза, три хлопка она слышала, и вот один из этих выстрелов пуля мне попала в руку через дверь. А они к нам несколько раз заходили, причем почти все заходили, смотрели, что глухая комната, и мы тут сидим одни.

Снаружи в нашу комнату не зайти. Они нас заперли. Но мы не знали, что они нас заперли. Мы боялись вообще, сидели как мыши. Хорошо, что у нас была вода. Мы не выходили вообще, их не беспокоили. Ребенка у нас много раз пытались отнять. Приезжали, сначала нормально разговаривали, потом уже в грубой форме. К жене на работу приходили, угрожали уволить с работы, лишить родительских прав. То есть всеми и любыми способами морально прессовали».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Барда Анатолий Николаевич (60 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«12 января 2025 года мне исполнилось 60 лет, а мы жили в погребах. У нас жило в одном погребе 6 человек. Это район 12 РМЗ на окраине. До этого мы поменяли 4 дома, поскольку украинские войска постоянно сбрасывали заряды дронами на дома, где мирные жители были. Целенаправленно сбрасывали дронами.

Сначала пробивали крыши, а потом кидали туда опять же дроны-зажигалки. В дома, в частный сектор. Мы в частном секторе жили.

Ну, и поскольку мы это все поняли, нас приютила женщина, мы вшестером в подвале жили. Потом я и старший брат моей жены, чтобы не наводить украинские дроны на этот подвал, переселились в соседний.

Чтобы нас меньше было видно просто с дронов. Нас выследили и запустили сбросов с дронов прямо в подвал к нам, где мы с братом жены жили по соседству. Когда уже нас начало засыпать, лопнула рельса, мы решили выйти, потому что выхода не было. Вышли, начали между развалинами уходить, отводить их в сторону.

Мы знаем уже по опыту, что они не могут попасть под высокорастущие деревья и залететь в окна не могут, если ветки. Какой-то нашли сарайчик, и мы там вдвоём приютились. Стали ждать, когда перестанут летать.

Поскольку он не смог достать, прилетела мина. Мина пролетела одна, минуты через три вторая. Меня контузит.

Кое-как очухался и повернулся к Сергею, брату жены. А он засыпанный. Смог откопать только голову ему. Я в дом. Говорю, уже нет Сергея.

А утром как раз благополучно, туман был, и мы вышли. Раскопали Сергея, посмотрели – проникающее ранение спины, сердца. Заложили камнями, чтобы собаки не растягивали. Ему было столько же, сколько и мне.

У меня 12-го день рождения, а у него 20 января. 61 год исполнился бы. Луц Сергей Алексеевич.

Мы решили выходить в сторону Горловки. Благо, туман был. Не летали дроны. И не доходя до центрального здания фабрики, на перекрестке – на нас пулеметная очередь. Нас шло шесть человек. Я инвалид третьей группы и отставал. Они впереди шли, метров 70. Они вышли на перекресток.

Пулемет за разрушенным зданием, получается, находился. Один упал на обочину. Жена к нему наклонилась.

Потом начала ВСУ кричать: «мирные, мирные», а они начали дальше стрелять. Я откатился к тополи, потому что там двухэтажка, получается.

Убили мою жену, Барду Наталью Алексеевну, сына, Барда Александра Анатольевича, его жену, Сергея, Ткаченко Лену. Сергей сам раненый выполз.

Остались три трупа. Это его жена Лена, моя жена и сын. Почему украинцы по мирным стреляли? Я думаю, фашист – он и будет фашистом».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Лагерь Алексей Анатольевич, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«Помню, украинские военные вели человека со связанными руками. На улице мы видели. Я лично видел. По улице вели. Молодые хлопцы, а мужчина, ну наверное, плюс-минус моих годов, может, немножко даже постарше, крепкий. Они его куда-то довели, ну, потом мы же не будем глядеть куда, самым опасно, мягко выражаясь. После того мы его обнаружили. Он лежал под домом. Но мы видели, что его вели по улице. Зачем его убили? Это необъяснимо

Украинские дроны. Я сам видел, где они поднимаются, где они садятся. Это была территория Украины. У нас российских войск на тот момент не было вообще. По слову совсем. Вот я видел, откуда они взлетали, куда садились. Оттуда метров 200. Я видел его. И вот хлопок, ранили мать и сына, матери за 60, сыну за 40. И еще одного хлопца ранило, он 5 метров пробежал и упал. Просто упал. Пока Василия зашивали, нас 10-11 раз атаковали. Вот этими украинскими дронами. Дом разбивали. Просто разбивали. Ну, конечно, так и разбили там на пристройке крышу. Она загорелась. Целенаправленно били.

Там у дрона бутылочка такая вот да и зажигательная смесь, то уже не подушишь никаким маневром. Мы это увидели, загорелось. Василия мы втроем несем. Два двора пронесли, занесли в его дом, и буквально через пять минут разбивается крыша первым дроном. Дырка есть. Второй дрон залетает, подпаливает. А мы буквально пять минут там побыли. Мы перешли в третий дом, пожили там. Ну, все равно потом бегать надо, и вот только пробежали – ВСУ дронами лупают. Именно целенаправленно это все было. Просто целенаправленно.

Я был у товарища, поехал в гости, посидели, чай попили. Сосед прибегает, говорит, Леха, ты, говорит, горишь. Ну, я бегом домой, ну, там через две улицы. Прибегаю, и вся улица горит полностью. Район хлебозавода, вся улица полностью горит. Сама по себе она не может гореть. У нас на улице порядка 18-20 домов. Одновременно они загореться не могут.

Я переехал до Василия. 17 сентября 2024 года. Василий пошел до матери. У него дрон упал возле машины. Хотел в гражданскую машину ударить, но он не разорвался. Он хотел его как-то сдвинуть, и дрон разорвался. Посёк ему ноги, перебил артерию. Занесли в дом, начали обрабатывать раны, зашивать. Зашивали просто обыкновенной иглой. В этот момент, когда зашивали, нас находилось 8-10 человек у дома. И нас бомбить начали. Опять же, дроны били... Были сбросы. А лето было жаркое, все горит. Пока там потушили, загорелся сарай. Побежали под сарай. Я вижу дрон, он от нас был порядка 120 метров, ну пусть 150 метров в высоте. И я только увидел, что он стоял и целенаправленно на нас пошел. Я под сарай сел. Одну женщину контузило, еще одного парня контузило. Он однозначно видел, что мы – гражданские. Лето на улице. В сентябре все еще тепло. У нас футболка, спортивные тапочки. Женщины».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Игорь Николаевич (71 год),
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«Мы обычно как определяли опасность? Вот вы смотрите, если у магазина ВСУ нету, лучше в магазин не ходить. Значит, будет обстрел.

Еще они по магазинам стреляли с гранатомета. У нас девчата наши работали в магазинах продавцами. С гранатомета двери высадили. Какого-то там ихнего вождя, комбата обидели, не дали что-то. Он отъехал, там двойная дорога, развернулся, встал на автобусной остановке, гранатомет вытащил и в магазин пульнул. Повезло, что граната не разорвалась. Пробила стенку и в магазине

застряла. Даже доходило до чего: собирали группы, «Мы вас вывезем. Ничего лишнего не берите. Берите деньги, драгоценности и документы». Это собирали, и после этого мы этих людей не видели. Мы не знаем, куда они делись.

Как только темнело, на перекресток, там, где у нас выходит, дома многоэтажные кончается, выезжала какая-то техника с минометами. Пять снарядов, и потом меняют позицию. Тут ложили по 30-40 выстрелов по поселку, по квадратам, пока не начинали гореть дома. После этого выезжали. Шли пожары. Первый пожар мы еще тушили, можно было тушить, мы бегали, помогали друг другу. И чуть позже уже пошло, хуже стало.

А потом появились украинские дроны, стало вообще невозможно. Значит, когда летают дроны, и тогда что-то бомбят, лучше не высываться. У нас через три дома жило шесть человек.

У них своего дома не было, они живут, перешли жить в садовый домик где-то. Короче, сверху сбросили зажигалку. И эти люди, что выскочили, шесть человек, их сверху накрыли миной, на куски всех разорвало.

У нас есть знакомые с украинской стороны и у них служат люди в ВСУ. Им сказали: те, кто остался, – ждуны, это не люди, их надо уничтожать. И поэтому мы сейчас от дронов прятались. Потому что если он летает – или сейчас что-то сбросит, или начинается минометный обстрел. Вот у меня жена пошла к соседям. Пока они дошли, слышал, что пошли мины, полетели. Ну, хорошо, они добежали в подвал и спрятались.

Летала «Баба-яга», и сбрасывали эти самые мины противотанковые на дома. И вот сидишь в подвале и слышишь, ближе, ближе, ближе положило. Хорошо, у нас подвал был не в доме, а в стороне от дома. Но потом, под конец уже, перед тем как мы выходили, я смотрю, воронки стали вокруг нас появляться. Они определили нас по теплу. У нас же печь в подвале была. Мы только днем ее топили.

И вот это последний раз, когда нас били, я вышел, у меня на лестнице лежал фпв-дрон неразорвавшийся. С зарядом, со всем этим. И, ну конечно, все побито было. Первые дроны разбили крышу, остальные, видно, пытались влететь под нее. А там проводка, все такое. И мы слышали, как они цеплялись вот этими вентиляторами. Мы ждали потом минут 15-20, потом был взрыв».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Банных Нина Дмитриевна (66 лет),
пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«Мужчину ВСУ застрелили, он шел домой, его застрелили, мы его утром нашли убитого. Застрелили его на Химколонке, сосед пришел, сказал, его надо похоронить, потому что его убили. Убили, он шел домой как раз, это в район Химколонки, в сторону. Раньше там магазин был на Химколонке у нас. Убитому примерно около 40, может, чуть больше было. Застрелили его где-то в ноябре месяце.

Женщина вышла кормить котят. На двухэтажке жила. В это время ВСУ подняли дрон и ее убили. Сброс гранаты, и убило ее прямо на месте. Украинские дроны – другие дроны не летали там в тот момент вообще. Мы вообще мало видали русских дронов.

У нас в основном летала украинский дрон «Баба-Яга» и «дроны-камикадзе». Они нас обстреливали, нас лично. Нас лично бомбили с «Бабы-яги». Мы лежали под стенкой в доме, на кухне. И у нас с четырех вечера начала бомбить «Баба-яга». Дом у нас разбомбили, сожгли. Они знали, что это мирные жители. Нас бомбили потому, что мы поддерживали Россию, не уходили на Украину. Они сказали: «Мы сотрем вас с лица земли». Нам так прямыми текстами и говорили. Палили нас в доме, нас 10 человек было, на нас сбросили заряд. Они прекрасно видели, что я утром вышла, выгуливала собаку. Над нами висел дрон. Я зашла в дом, а в 8 часов нас начали бомбить. Наш дом, кухню, где мы сидели с людьми, начали нас бомбить. Разбомбили полностью крышу, сбросили нам зажигалку. Я быстренько сказала всем: поднимаемся, быстренько уходим. Налетели дроны, сожгли полностью эту кухню, она пылала так. Мы сгорели полностью. Мы в подвале жили, ВСУ видали, что мирные в подвале.

Сосед с мамой шёл. И начали ВСУ обстреливать с дронов. И они шли к нам в подвал. И он, не доходя до нашего гаража, дрон скинул прямо на них. Украинский дрон видел, что идет женщина старая, пожилая. Их четыре человека было. Две женщины. Они стали просто за сарай – у нас там накрытие. А он маму повел прямо в гараж. Не доходя гаража, дрон перед ними скинул. Потом скинул на этих женщин. Дрон видел, что там мирные идут люди. Когда мы эвакуировались, мы вышли на улицу Ленина, повернули и растянулись на большое расстояние. И как раз напротив меня дрон скинул снаряд. Меня оглушило, слава Богу, только оглушило сильно. Он, конечно, видел, что вереница – все гражданские.

ВСУ обстреливали Дзержинск. В 2021 году обстреляли девятиэтажку. Погибла молодая семья в этой многоэтажке. Перед этим были журналисты, конечно, потом обстреляли дом, понабежали солдаты, загородили и начали быстренько убирать осколки дома. Зачищать. Однажды у нас на ДК как раз были журналисты. Журналисты только отошли, и в это время начали обстреливать людей. Раненые там были. Через время снова прибежали журналисты, начали снимать и говорят, вот русские, вот видите, вас обстреливают. Обычно со стороны ВСУ, с Константиновки всё летело».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Тишкова Татьяна Евгеньевна, пострадавшая от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«С 2015 года нам раз прилетело, украинский танк по нам стрелял в наш дом. Это было в 2015 году. Мы находились там с семьей. Муж, я и двое девочек несовершеннолетних. В 2024 году тоже к нам прилетела украинская ракета в дом. Уничтожила.

Полностью наш дом уничтожен. Это дело специально делали они. Нас выживали с наших домов. Делали минометные расчеты и специально стреляли по нашим домам. Разбрасывали дронами снаряды, которые потом загорались вокруг. За один день, это то, что наш район, даже

за каких-то два часа был полностью уничтожен наш квартал. Забалка, возле Силуэта. Полностью сожгли.

Украинская ракета прилетела к нам в дом, когда нас не было. Это у меня тоже муж всё время, как говорится, руку держал на пульсе.

И когда начал видеть, что вокруг наших домов начали ходить военные украинские, он говорит, так, девчонки, собирайтесь, давайте уйдём отсюда. И мы ушли. И буквально на следующий день прилетела ракета.

Мы переночевали у других людей. А когда пришли вечером посмотреть, что с нашим домом случилось, на нас украинские военные наставили автоматы. «Что вы здесь делаете?»

Ну, все это же по-украински сказали. Спросили: «Почему не эвакуируетесь?»

И это все под дулом автомата мы разговаривали. Ну, придумали то, что у меня сильно старенькая бабушка лежащая, и нас никто не забирает. Ну, как-то так он смягчился-смягчился, и нас отпустили. Отдали нам паспорта и нас отпустили. Типа «хай идите».

А соседку застрелили. Наташу. Они пошли за водой, а украинские военные прятались в другой половине и застрелили. Ее застрелили сразу в сердце, Наташу.

Дядю Игоря ранили в ногу, поперебили кость ему, он потом умер. А одна, третья женщина осталась живая. Это произошло на Забалке. Примерно месяц ноябрь. Дед Женья, сосед, тоже пошёл за водой – его сильно ранило с автомата.

Что мирные – их это не волнует. Мы русские. Надо уничтожать нас. Потому что мы ждуны для них. Они нас ненавидели.

Очень много погибли от украинцев. Очень много. На Кулацком хуторе тоже пожилые люди, уже 86 лет, 80 лет вышли, буквально две недели тому назад. Они вам очень много всего интересного расскажут.

Они говорили, что приходили украинцы и расстреливали людей. Люди так и валялись во дворах. Очень много.

У нас там улица есть такая Сормовская, Забалка тоже. Там даже бабушку убили лежащую, парализованную, в кровати. Вот так вот, бедненькая, руками закрывалась, так и нашли её, убитую».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Остриков Евгений Михайлович, пострадавший от преступлений ВСУ в г. Дзержинске (Торецке)

«ВСУ к нам к русским относилась как к ждунам, а ждуны — это преступники автоматом. Ну, ждете российскую армию вы все. Меня родители прятали, когда ВСУ к нам пришли домой проверять. У нас старенькая бабушка, сестра инвалидная. И мать с отцом тоже в возрасте. Я до соседей в подвал убежал. Племянник там под кровать, ну, там, короче, спрятался. Спрашивали, где выпивку можно взять.

Однажды отряд «Лють» — это полиция бывшая — к нам пришел. И те, кто в полиции проштрафился. Вот эти ТЦКшники, которые народ забирают. И эки. Они с гражданскими работали. Зашел, как мать рассказывала, сначала этот нервный, видно, что пьяный. Не уходил, все равно говорил, что мы ждуны. На отца автомат направил, перезарядил, а отец говорит: «Ты видишь, 64 года мне, ты что творишь?» А он: «А что вы тут делаете? А чего не уехали?» Перезарядил, на сестру направил, на бабушку.

Раньше я работал на депо, грубо говоря, Шахта Северная. Там террикон такой большой, самая главная высотка в городе. Депо уже закрыли, потому что в 22-м году началась война, СВО. И я слышал, как ВСУ с террикона бьют в сторону Горловки. Я там через группу ТГ пытался предупредить. От этого террикона ВСУ затаскивали технику и фигачили по Горловке и по Дзержинску.

Как у них кто-то говорил, нас очень быстро перевоспитывают. Прилетело, по-моему, то ли по ДК Торецка, то ли... Не помню уже точно. Ну, грубо говоря, там очевидно, что со стороны Константиновки в дом попало. Ну не может там на 180 градусов снаряд повернуться. Ну и приехали полиция, СБУ, все, пресса. Ну и женщину спрашивает, мол, а откуда летело? Она говорит честно: вот с той стороны. «Да? Вы уверены?» Она сказала, да, уверена. Надо как-то расследование провести, объяснить. В общем, поехали, внушение сделали, и она потом сказала, что с Горловки прилетело.

Вот у нас в городе, многие местные подтвердят, в чате писали «осторожно, в городе пресса». Многие вот даже с Горловки не понимали — ну, пресса, пресса, чего осторожно? А пресса — это значит, город обстреливать будут. Что характерно, прилет — и сразу на этом месте появлялся мэр города, полиция, пресса, картинка, иностранные журналисты все снимали. Я с некоторыми спорил, ну, если вы говорите, что это типа Россия, почему тогда, когда там сейчас все люди, вся элита города, Россия не стреляет? Почему туда тогда не прилетает?

Дофига людей убили именно за то, что украинцам картинка нужна была. Прессу ненавидели все жители. По-моему, это убийство. Там люди гибнут.

Самое безопасное было ходить по городу, когда ВСУшники ходят, когда в городе их много. То есть это стопудово: где они — обстрелы маловероятно будет. А вот как приходишь — их нету, они как крысы, значит, вот жди где-то удар. Если ВСУшников нет, значит, будет их обстрел».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Ракитская Наталья Викторовна,
пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«Украина обстреливала город. Людей убивали. Моего сожителя Романа убили. Он был восемьдесят первого года рождения. Это ему было сорок.

Это произошло 25 декабря 2023 года. Пришла с работы, ну, смотрю, он лежит. Я побежала в милицию, приехали, начали смотреть там, сколько выстрелов было, стены.

Нашли этого украинского военного. Они были там рядом, жили, находились.

Я просто спросила его, за что ты убил? Я тебе хочу задать вопрос, за что ты его убил? Ничего не ответил.

Украинские военные разрушали город. С дрона разрушали и стреляли, летело там.

Украина обстреливала город. Все попалили. Я зашла к себе во двор – кухни как и не было, сгорело, и даже не видно, что она стояла. Забора нету, дома и самой крыши нету. Вся улица сгорела, все дома горели».



Белоусов Александр Сергеевич (20 лет),
пострадавший от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торецке)

«За нами летел украинский дрон. Мы, когда вышли, бабушка встала на коленях, начала молить, чтобы дрон нас не убил.

Были случаи, когда убивали, ранили. В 2023 году моя бабушка сидела со своей подругой на улице. И где-то был очень слышен выстрел, и резко прилетело.

Был выстрел, и буквально через секунду прилетел снаряд. Ранило мою бабушку и соседку.

Моей бабушке 83 года – Горбань Нина Павловна. Их ранило в грудь и в шею. В грудь соседку, бабушку в руку.

Соседке столько же – они ровесники.

ВСУ по центру били очень часто. Там раненых было много людей. Именно украинцы стреляли. Мы слышали, очень близкие были выстрелы, залпы. Россия далеко была. Украинцы хотели, чтобы жители эвакуировались быстро с города в сторону Украины. А мы говорили им, что это наш дом, мы здесь будем жить, мы никуда не хотим. Они угрожали. ВСУ приехали и сказали, что вы тут делаете, уезжайте, мы тут ваш город сровняем с землей. «Ждуны» нас обозвали. Они угрожали нам.

Даже вот моей соседке угрожали, когда она приехала из больницы уже. Бабушка и соседки рядом сидели, Украинские военные пришли и сказали, уезжайте отсюда, мы ваш город будем равнять».

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ



ЗЛОДЕЯНИЯ И ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА В Г. ДЗЕРЖИНСК (ТОРЕЦК)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ
по преступлениям
украинских
неонацистов



Шведова Надежда Михайловна (64 года),
пострадавшая от преступлений ВСУ
в г. Дзержинске (Торцеке)

«Украинцы расстреливали людей по окраинам города нашего. Очень много людей исчезало.

К нам на улицу пришла женщина жить, молодая, 50 лет ей было, медик. И вот она пошла куда-то там до знакомого своего, у него была мама лежащая. Она туда ушла, а когда уже пришла к этому Серёже, обнаружили, что мать была застреленная в лоб, эта мать убитая была. Сами жители говорили, что украинцы очень много людей порасстреляли.

Медик эта смотрела просто за ней. Женщине этой 85 лет было. И когда пришли к ним в дом, она лежала на пороге, застрелена. Это место так называемая наша вот эта Забалка. Мужики, которые пооставались у нас, сказали, что это «азовцы» пришли к нам. Они говорили, что «азовцы» много стреляли просто по убегающим. Убивали, и всё.

ВСУ многих, очень, очень много людей расстреляли. И Олега расстреляли с женой прямо во дворе. И соседей там, у нас старик со старушкой жили, тоже расстреляли. Так тьма тьмущая людей порасстреляли.

Олег такой был, как мы, в возрасте. Он работал у нас грузчиком в «Ягодке». А жена его тоже такая же. И у них однажды дом загорелся. Мы их знали. Мы жили там по Сормовской, где дома наши загорели.

А здесь мы жили внизу, где мужа расстреляли. Мы у сына в доме жили. Потому что там у него печка была в доме. А зимовать там у нас не было газа, печки там в доме. А мы пришли сюда к сыну жить, потому что тут была печка. И тут попали. Они пошли звонить, и больше он не вернулся.

Витя мне сказал: «Не ищи их, их 13-го числа сентября расстреляли. Они вот там, в конце улицы в кухне летней лежат». 3-го он ушёл из дома, а 13-го его расстреляли.

И я пришла в ту кухню. Их там двое было. Он с другом был, Ваня там еще был у него друг. Он лежал навзничь и закрытый. А Ваня вот так полусидя сидел. Также застреленный. Там уже он вздутый весь был и весь в червях.

Я думаю, «азовцы» убили полсотни, а то и больше человек точно там осталось. Там без вести много очень пропало людей. Очень много. Они там всех подряд расстреливали. Вот Олега расстреляли, потом женщину ту расстреляли, потом напротив соседа расстреляли, потом по нашей улице там тоже порасстреляли. Ой, да страшно, страшно, не дай Бог, не дай Бог. Очень много людей расстреляли.

У нас был один, ходил, помогал людям в огороде и тоже исчез без вести, пропал. Двое было там, этот Лёша и этот Витя. И потом я пришла домой, я их ждала, они так и не вернулись. двое соседей. И они тоже пропали. И рядом, который сосед по нашей улице жил, тоже его не стало. Также он исчез. Очень много людей расстреляли.

Я так плакала, так плакала, думаю, за что? Ну за что вы нас, украинцы, стреляете? Что мы такого вам сделали?»

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

